

Вспомним в торжественный день юбилей тех, кого нет с нами на этом радостном празднике...

— Моя жизнь в искусстве — какие простые и какие возвышенные, полные глубокого смысла слова. Цельная жизнь Станиславского, отданная до последних дней искусству, сама была овеяна поэзией.

Я и мои ровесники застали только последние спектакли Станиславского. И сейчас, двадцать лет спустя, живо впечатлительны от вдохновенной игры артиста, одно из самых сильных театральных впечатлений моей жизни. В 1926 году Художественный театр гастролировал в Ленинграде; играл, в частности, возобновленного «Дядю Ваню». Было очень душно, и от летнего вечера, и от переполенного театра, и оттого, что тютюсная атмосфера серебряковского дома, казавшаяся, проникает в зал. Но вот увели брызжащего Серебрякова, раздражающего своими приторными страданиями, в комнату вошел Астров я, как будто, ворвался вместе с ним свежий ветер.

«В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли...». Думалось — это написано Чеховым про Станиславского. Если можно охарактеризовать одним словом артистический талант Станиславского, то, пожалуй, самое точное слово будет: благородство. Астров — Станиславский говорил о том, как он любит жизнь вообще и как презирает узурпаторскую обывательскую жизнь. Он говорил эти слова, не глядя на Соню, он оставался наедине с самим собой. Он размышлял. Вероятно, самое трудное в игре артиста и самое радостное для нас, зрителей, — это рождение мысли, когда она на наших глазах выражается в словах, рождавшихся сию минуту, в это мгновение. Артист превращает нас в своего собеседника.

Вскоре пришла печальная весть, ставшая личным горем для каждого, кто любит театр: после выступления в юбилейной программе Художественного театра в день его 30-летия, у Станиславского случился тяжелый приступ сердечной болезни, ему запретили выступать на сцене. Врачи предписали ему полный покой. Покой! Это слово и это состояние были удивительно неподходящими для вечного искателя, который мог сказать о себе словами великого Гете: «Я — человек, мне чужд покой!»

Станиславский покинул сцену, но каким насыщенным, каким плодотворным было для советского искусства его последнее десятилетие, — последний акт его артистической жизни. Его нестареющая фантазия обогащает крупнейшие произведения мировой литературы: «Отелло», «Мертвые души», «Таланты и поклонники», «Тартюф». В его неутомимой деятельности нет места эстетическим размышлениям и воспоминаниям о прошлом. Многие артисты Художественного театра могут рассказать о своем паломничестве в дом на Леонтьевском переулке — ныне улице Станиславского. Сюда шли не за тем, чтобы отдать дань уважения патриарху русской сцены, удалявшемуся на покой; сюда шли за деловым советом и помощью. Переступая порог этого дома, большие мастера превращались в учеников. Здесь кипела напряженная работа — шли репетиции, давалась самая строга критика игре прославленных артистов, велись споры о судьбах Художественного театра, о будущем советского искусства.

Но Станиславскому было недостаточно передать свои взгляды мастерам Художественного театра. За три года до смерти он организует студию. Юноши и девушки слушают Станиславского, и им трудно поверить, что их учителю 75 лет: у него молодые глаза, заразительный смех, и самое главное — он почти не говорит о прошлом, он весь в мыслях о будущем, он ищет новое. Его система успеха обрести штампам, педантизм и начертания превращают ее в мертвую догму. С каким гневом говорит Станиславский о спектаклях, где не видно ни автора, ни режиссерского, ни актерского творчества, а чувствуется только скелет «системы». Он отвергает такую систему, которая сконьявает живое творчество актера. Он говорит: «Система — справочная книга в минуту сомнения, она нужна в минуту, когда у вас ничего не выходит».

Станиславский становится в эти годы театральным писателем. Его книги — это не мемуары, которые являются обычным и естественным завершением пути большого артиста.

Л. МАЛЮГИН

Он почти не вспоминает. Некогда! Его последние труды не имеют следов той тщательной литературной отделки, которая чувствуется в изящной книге «Моя жизнь в искусстве». Некогда! Важнее — просто и лаконично изложить свои мысли.

«Подлый закат жизни», — пишет Станиславский в одном письме, сокрушаясь о том, что его подгоняет время, что он не успеет передать людям все свои мысли.

Станиславского жмет потребность поведать тысячам людей тайны своего искусства. Его книги напоминают своей деловитостью технические труды — это режиссерские планы с чертёжами, мизансценами и объяснениями. Кто-то сказал о его книге «Работа актера над собой», что ее написал Моцарт, который решил сделать с Сальери. Правильно: талант знаком с технологией своего искусства. Читая его книги, пересматривают свой опыт старые мастера, из них учатся новые поколения артистов.

На протяжении многих десятилетий своей долгой жизни до последних дней В. И. Немирович-Данченко сохранял самое драгоценное качество художника — чувство современности. Театральный деятель, встречавшийся с Достоевским и Львом Толстым, помогавший Горькому при работе над его первой пьесой, друживший с Чеховым, став настоящим учителем советских драматургов. Он критиковал советских писателей не только за драматургическую неопытность, он обвинял их в плохом знании жизни. Режиссер, который мог по личным воспоминаниям восстановить обстановку и атмосферу «Трех сестер» и даже «Бесприданницы», говорил об репетициях об отклонениях от правильной атмосферы боев гражданской войны, о психологии бойца, убившего в бою фашиста.

Чувство современности, знание психологии нового человека помогало Немировичу-Данченко при воплощении выс советских драматургов — его постановки поражали сценической правдой, знанием подробностей жизни. И это же чувство современности заставляет старого и вместе с тем вечно молодого режиссера по-новому прочитать своих любимых писателей — Льва Толстого, Чехова, Горького.

Смена старшему поколению художников — Москвину, Качалову, Книппер-Чеховой, Леонидову, Тарханову, Лыдиной пришла в результате их заботы о молодежи, по-родительски любовного и строгого ее воспитания. Старые мастера были для молодого поколения артистов примером органического слияния с новой действительностью. Москвин вышел на сцену Художественного театра в роли царя Федора и играл эту роль до глубокой старости. На протяжении многих десятилетий Москвин играл Луку и Епиходова, которые были современниками его молодости, а сейчас стали почти такими же далекими, как люди времени царя Федора. За несколько месяцев до смерти Москвин сыграл роль участника Великой Отечественной войны контрразведчика Белоброва, показав тонкое понимание психологии советского человека. Качалов, дебютировавший в Художественном театре в роли царя Берендея, создал совершенный образ аюкака сибирских партизан — Никиты Вершинина. Леонидов, начавший с роли купца Лопухина, заканчивает свою артистическую жизнь образом купца Егора Булычева, который уже явственно ощущает приближение революции.

Леонидов говорил о том, что актер художественной правды приносит на сцену свою жизненную простоту, актер штампа приносит в жизнь свой актерский штамп. Воспитанные Станиславским и Немировичем-Данченко мастера Художественного театра передавали новому поколению усвоенное на всю жизнь требование сценической правды, высокую этику артиста. Леонидов выслушал отрывок в исполнении студийца Хмелева я, помолчал, сказал: «Все это очень хорошо, молодой человек, а где же ваша мысль?» И отсюда, от этого замечания начиналась жизнь в искусстве актера-мыслителя Хмелева, который потом станет в одну шеренгу со своими великими учителями.

Тарханов хорошо знает многие актеры периферийных театров. Знают не только потому, что Тарханов, прежде

чем выйти на сцену Художественного театра, исколесил всю театральную Россию. Тарханова часто вспоминают старые актеры — товарищи по работе, игравшие с ним в одних спектаклях. Тарханова вспоминает молодое поколение советских артистов — он был их воспитателем в самый ответственный период жизни художника, в годы их пребывания в школе. В Театральном институте им. Луначарского, которым Тарханов руководил до самой смерти, это имя было всегда окружено любовью и уважением учеников. Как-то, на просмотре учебного спектакля, я спросил Тарханова о том, какие роли он хочет сыграть. «У меня теперь одна роль — учителя». Он сказал это с гордостью.

Преданный до конца театру, не знавший и не понимавший жизни вне его, Хмелев ненавидел такие слова, как театральность, роль, игра. «Это не то, это — по-актерски» — эти слова были у Хмелева выражением крайней степени осуждения. Хмелев не играл роли, он воссоздавал характеры. Он не любил говорить о том, как надо работать над ролью, но многое мог рассказать о горестной жизни Фирса, о раздумьях Пекхлеванова, о печальной судьбе Тузенбаха. Хмелев соединял выдающийся талант с бескорыстными, подлинными отношением к творчеству. И в этой безграничной отдаче себя искусству секрет того, что артист сделал так много за свою короткую жизнь.

Хмелев умер внезапно. Смерть настала его в часы творчества. Он умер на генеральной репетиции, в costume и гриме Ивана Грозного. В смерти этой было что-то величественное и прекрасное: именно так уходил великие художники, отдавая искусству жизнь свою до последнего дыхания. Так умирал Баталов — едва ли не самый обаятельный артист Художественного театра, весь — воплощение радости жизни, лучезарный Баталов, который, прикованный смертельной болезнью к постели, писал своему товарищу Хмелеву восторженные письма о бессмертии искусства. Так умер Дмитрий — замечательный художник, непревзойденный мастер театрального пейзажа, труженик, не щадивший себя для искусства — умер на ходу, торопясь на генеральную репетицию «Леса».

Сценическое искусство издавна считалось искусством неблагодарным, умирающим вместе со смертью артиста. Новое время, наш век меняют эти особенности. И не только потому, что запечатленная игра артиста может быть передана и современникам и потомкам через пластинку, где записан голос, или на киноэкран. Жизнь артиста продолжается в его опыте, который умножает богатства искусства, который передается и живет в творчестве артистов нового поколения.

Вспомним в торжественный день юбилей театра всех, кого нет с нами на этом радостном празднике, вспомним ушедших его мастеров. И это воспоминание — не только знак нашей благодарной памяти. Это — призыв бессмертия тех, кто закладывал и строил величественное здание советского народного театра.